под романтической манерой, которую я отныне возбранял себе, крылось целое мировосприятие. Это было понимание жизни как жизни поэта. Оно перешло к нам от символистов, символистами же было усвоено от романтиков, главным образом немецких». И далее: «Зрелищное понимание биографии было свойственно моему времени. Я эту концепцию разделял со всеми. Я расстался с ней в той еще ее стадии, когда она была необязательно - мягка у символистов, героизма не предполагала и кровью еще не пахла».

Три первые дошедшие до нас короткие повести: «История одной контроктавы» (1913), «Апеллесова черта» (1915) [5] и «Письма из Тулы» (1918) [6] — последовательный анализ жизненных ситуаций, в которые попадает артистическая натура романтического склада. Первая из них рассказывает о трагической судьбе органиста Кнауера, во время вдохновенной импровизации ставшего невольным убийцей своего сына. Ни горе, ни сознание своего преступления не могут победить в нем самозабвенной тяги к музыке.

В «Апеллесовой черте» романтический поэт Релинквимини, бросивший литературный вызов Генриху Гейне, оказывается одураченным и высмеянным потому, что Гейне переносит спор из литературы в реальность. Заметим, что Релинквимини — любимый герой юношеских прозаических отрывков, написанных Пастернаком в 1911—1912 гг.

Наконец, в «Письмах из Тулы» мы видим три категории людей, причастных к искусству. Близкий по биографическим обстоятельствам автору, юноша-поэт «наблюдает себя на безобразничающих киноактерах, на позорище, обличающем товарищей и время». Их обращение к нему как к коллеге он воспринимает как свидетельство того, что его поприще недостойно. Мучимый совестью, он думает о своем искусстве, о том, как ему выйти на истинную дорогу. С теми же киноактерами сталкивается старый профессиональный актер. Глубоко переживая увиденную им пошлость киносъемок, он не может найти себе места и находит себя только тогда, когда один в номере гостиницы разыгрывает сцену, в которой воскрешает давно прошедшие дни и воочию видит себя и свою покойную жену в молодости. В этом эпизоде выдвигается пастернаковская идея об одной из главных функций искусства: возвращать к жизни увиденное и пережитое. Искусство, направленное к этой цели и способное ее достичь, Пастернак считал необходимым условием цельности исторического сознания. Такое искусство, утверждал он, делает жизнь человека безусловно ценной.

Следование литературным образцам и вместе с тем непреклонное стремление со всей полнотой и подробностями передать суть изображаемого подчас делают орнаментальные описания в «Истории одной контроктавы» помехой движению темы и сюжетному развитию. Стремительность «Апеллесовой черты» разрешает эту стоявшую перед Пастернаком трудность.

«История одной контроктавы» делится на две части. Первая из них содержит 24 страницы. Это двойные листы большого формата, исписанные с двух сторон. Черные чернила. Старая орфография. Кое-где правка карандашом, в некоторых случаях обведенная теми же черными чернилами. Иногда дописанные позже дополнения находятся на вложенных отдельно листах, причем места этих вставок аккуратно отмечены специальными значками. В ряде мест переписанные заново части текста наклеены поверх отвергнутых. Одновременность наклеек и вставок подтверждается сходством бумаги, чернил и почерка. Ниже публикуется эта первая, законченная часть повести.

I

Богослужение окончилось. Пучащаяся волна чопорных робронд и оттопыренных оборок хлынула к выходу. Когда отбушевало платье последней прихожанки, под сводами стало холодно и бессмысленно пусто: внутренность бездушной церкви уподобилась стеклянному колоколу огромного воздушного насоса; через узкие клапаны долгих окон, на спинки скамей и на завитки лепных украшений лились охлажденные потоки белого, обеспложенного полдня, их всасывало сюда пустотой огромного помещения; они были похожи на колонны, поваленные набок, и упирались всею массой своего света в деревянные бордюры широких сидений, чтобы не поскользнуться на каменном полу и не рухнуть на пыльные доски пюпитров.

А тем временем органист поддавал жару. Он дал волю своей машине в тот еще момент, когда вслед за брюзгливым визгом протяжно затормаживаемой каденции с гулким шарканьем повставали со своих мест крестьяне и горожанки и толпою направились к выходным дверям.

---

[5] «Рассказы». М.—Л., Изд-во «Круг». 1925 и «Воздушные пути». М., ГИХЛ. 1933.
[6] «Рассказы». Изд-во «Круг», 1925.